

Революционное правительство

I

Современные правительства должны пасть, чтоб свобода, равенство и братство перестали быть словами и облеклись в реальную форму. Все виды правительства, испытанные до сих пор, были лишь различными формами угнетения и должны быть заменены новой формой группировки; на этом сходятся все, более или менее революционно настроенные, члены нашего общества. Да и не надо быть новатором, чтоб прийти к этому заключению; пороки современных правительств и невозможность их преобразовать так очевидны, что бросаются в глаза каждому мало-мальски разумному наблюдателю. Мы знаем, что в известные эпохи низвергнуть правительство почти ничего не стоит. Есть моменты, когда правительства, подобно карточным домикам, рушатся почти сами собой от малейшего натиска восставшего народа. Мы это видели в 1848 и в 1870 году; мы это увидим в скором будущем.

Низвергнуть правительство — вот конечная цель для революционера-буржуа. Для нас же это только начало Социальной Революции. Когда Государственная машина лопнет, когда иерархия чиновников будет дезорганизована, и солдаты потеряют доверие к своим начальникам, словом, когда армия защитников Капитала будет побеждена, — перед нами предстанет великое дело разрушения институтов, стремящихся увековечить экономическое и политическое рабство. Положим, свобода действий приобретена, — что же будут делать революционеры?

На этот вопрос только анархисты отвечают: „Долой правительство, да здравствует анархия!“ Все же остальные провозглашают „революционное правительство“. Разногласие между ними происходит лишь относительно формы, которую нужно будет дать правительству, избранному путем всеобщей подачи голосов, в Государстве или в Коммуне. Некоторые же высказываются за революционную диктатуру.

„Революционное правительство!“ Как странно звучат эти два слова для тех, которые понимают чем должна быть Социальная Революция и что такое правительство. Эти два слова противоречат друг другу, взаимно уничтожаются. Мы знаем, что из себя представляет деспотическое правительство: стоять за реакцию против революции, стремиться к деспотизму — вот сущность всякого правительства; но никто никогда не видел революционного правительства. Революция — это синоним „беспорядка“, низвержения в несколько часов вековых институтов, насильственного разрушения установившихся форм собственности, уничтожения каст, внезапного перерождения взглядов на нравственность,

вернее на заступающее её место лицемерие, синоним личной свободы и свободы действий, — словом отрицание правительства, этого синонима „порядка“, консерватизма, сохранения существующих институтов, отрицания частной инициативы и свободы действий. И, тем не менее, нам беспрестанно говорят об этом „белом дрозде“, как будто бы „революционное правительство“ — самая обыденная вещь на свете, столь же знакомая всем и каждому, как королевство, империя или папство.

Революционеры из буржуазии должны проповедывать эту идею; оно вполне понятно. Мы знаем, что они называют революцией. Это подштукатуривание буржуазной республики; это захват, так называемыми, республиканцами, доходных должностей, сосредоточенных сейчас в руках бонапартистов и роялистов; это разрыв брака между Церковью и Государством, замененный их конкубинатом; это секвестрация церковных имуществ в пользу Государства, вернее, в пользу управляющих этими имуществами; быть может, это референдум или что-либо в этом роде... Но что революционеры социалисты стали апостолами этой идеи — абсолютно непонятно, если не допустить следующих двух предположений. Или её защитники так заражены буржуазными предрассудками, которые они почерпнули, может быть, даже бессознательно, в литературе и, главным образом, в истории, сфабрикованной специально для буржуазии самими буржуа, так проникнуты духом рабства, этим плодом долгих веков крепостничества, что они не способны даже представить себе, что могут быть свободными. Или же приверженцы этой идеи вовсе не хотят той Революции, о которой они беспрестанно говорят: они удовлетворятся некоторым преобразованием существующих институтов, лишь бы это обеспечило им власть. Они борются с правительством исключительно для того, чтоб как можно скорее занять его место. С ними мы и не станем рассуждать. Поговорим с теми, которые искренно заблуждаются.

Разберем первую из двух провозглашенных форм „революционного правительства“ — правительство выборное.

Королевская власть низвергнута, армия защитников Капитала побеждена, везде брожение, жажда работать для общего дела, стремление вперед. Возникают новые идеи, сознается необходимость коренных перемен, — надо действовать, надо приняться за беспощадную работу разрушения, чтоб очистить путь для новой жизни. Что же предлагают нам делать? — Созвать народ для выборов, провозгласить правительство и передать ему ту работу, которую каждый из нас должен делать сам, руководствуясь своей собственной инициативой.

Так и сделал Париж после 18 марта 1871 года. — „Я никогда не забуду, — говорил мне один приятель, — этих чудных моментов освобождения. Я спустился из своей маленькой комнаты в латинском квартале, чтоб войти в этот огромный клуб под открытым небом, чтоб смешаться с толпой, наводнявшей улицы Парижа. Все обсуждали общее дело; всякая личная забота была на время отложена: дело шло не о купле и продаже, все были готовы душой и телом ринуться в неизвестное будущее. Даже буржуа, захваченные общим порывом, с ликованием смотрели, как открывался новый мир. „Если нужна социальная революция, — произведем ее: пусть все станет общим достоянием; мы готовы!“ Элементы революции были на лицо: надо было употребить их в дело. Придя вечером домой, я подумал:

„Как человечество прекрасно! Его не знают и всегда клеветают на него!” Потом наступили выборы, члены Коммуны были назначены, — и понемногу потухла сила самоотвержения и усердие к делу. Каждый принялся за свою обычную работу, говоря: „Теперь у нас есть честное правительство; предоставим ему поступать как оно хочет”... Мы знаем, каковы были последствия.

Народ, вместо того, чтоб действовать самостоятельно, идти впереди, смело ринуться навстречу новому порядку вещей, передал своим правителям право инициативы. Вот первое последствие — неизбежный результат выборов. Что же будут делать эти правители, облеченные всеобщим доверием?

Никогда выборы не были так свободны, как в марте 1871 года. Даже враги Коммуны признали это. Никогда избиратели не были так проникнуты желанием поставить у кормила правления лучших людей, людей будущего, революционеров. Так они и сделали. Все известные революционеры были избраны подавляющим большинством; якобинцы, бланкисты, интернационалисты, все три революционных фракции имели своих представителей в Совете Коммуны. Выборы не могли дать лучшего правительства.

Мы знаем, каковы были результаты. Запертые в Городской Думе, обязанные действовать, придерживаясь форм установленных предшествующими правительствами, эти ярые революционеры, эти реформаторы потеряли способность что-либо создать. Не смотря на их страстное желание, на их храбрость, они не сумели организовать даже защиту Парижа. Теперь в этом обвиняют отдельных личностей; но причина неудачи не в них, а в самой системе.

В самом деле, собрание, избранное при всеобщей подаче голосов, будет в лучшем случае состоять из представителей среднего уровня понятий, распространенных в данное время в массах; но в начале революции эти представители не понимают даже, что предстоит совершить и абсолютно не знают, как взяться за дело. Ах, если бы большая часть нации или Коммуны могла до начала движения сговориться и определить, что делать, как только правительство будет низвергнуто! Если бы эта мечта кабинетных утопистов могла бы быть осуществлена, у нас никогда бы не было кровавых революций: когда желание большинства нации было бы определенно высказанно, меньшинство добровольно подчинилось бы ему. Но на деле выходит иначе. Революция разражается задолго до того, как может быть установлено общее соглашение, и те, которые понимают, что надо делать на другой день после взрыва, составляют в этот момент лишь незначительное меньшинство. Большая часть народа лишь в общих чертах представляет себе ту цель, к осуществлению которой она стремится, и не знает, какие пути ведут к её достижению. Практическое решение выяснится лишь в тот момент, когда начнутся преобразования: оно будет продуктом самой революции, продуктом работы народа, или же оно будет — ничем, выдумкой отдельных лиц, абсолютно неспособных найти то решение, которое должно быть рождено жизнью самого народа.

Это положение вещей неизбежно отражается на собрании, избранном путем всеобщей подачи голосов, даже если оно не заражено пороками, присущими вообще всем представительным правительствам. Представители революционной идеи данной эпохи слишком малочисленны и теряются среди представителей революционных школ прошлого и

защитников существующего порядка вещей. Эти люди в дни революции должны быть среди народа, чтоб широко распространять свои идеи, привести массы в движение и уничтожить институты прошлого; а между тем они сидят тут, прикованные к зале Собраний, и ведут бесконечные споры, стремясь вырвать у умеренных и переубедить своих противников, которых только осуществление новой идеи может обратить в её сторонников. Правительство превращается в парламент со всеми недостатками буржуазных парламентов. Это „революционное” правительство становится непреодолимым препятствием для революции и народ, если он хочет перестать топтаться на месте, должен отставить тех, которых еще вчера он приветствовал, как своих избранных. Но это уже не так легко. Новое правительство успело организовать целую иерархию администраторов для расширения своей власти и подчинения себе народа, теперь оно уже добровольно не уступит своего места. Стремясь удержать власть в своих руках, оно цепляется за нее со всей энергией молодого правительства, которого еще не успело коснуться старческое разложение. Оно готово противопоставить силу силе и, чтоб его свергнуть, надо снова взяться за оружие, произвести новую революцию. — И все это для того, чтоб освободиться от тех, на кого было возложено столько надежд!

И вот, революция распалась! Потеряв столько времени на ожидание, она теперь будет тратить свои силы на распри между приверженцами нового правительства и теми, которые сознали необходимость освободиться от него! И все это потому, что никто не хочет понять следующей простой истины: новая жизнь требует новых форм, нельзя произвести революцию, цепляясь за старые формы, революция и правительство несовместимы, одно, — под каким бы видом оно ни было представлено, — всегда уничтожает другое; вне анархии — нет революции!

То же самое можно сказать о другой форме „революционного правительства” — революционной диктатуре.

II

Опасность, которой подвергается Революция, когда над ней господствует выборное правительство, так очевидна, что целая школа революционеров совершенно отказалась от этой идеи. Они понимают, что восставший народ не может путем выборов провозгласить правительство, которое не являлось бы представителем прошлого и не мешало народу совершить тот грандиозный экономический, политический и нравственный переворот, который мы называем Социальной Революцией. Они окончательно отказываются от мысли о „легальном” правительстве, по крайней мере, на период восстания против легальности, и провозглашают „революционную диктатуру”.

Та партия, — говорят они, — которая свергнет правительство, захочет сама занять его место. Она захватит власть в свои руки и будет действовать революционным путем. Она примет все необходимые меры, чтоб обеспечить успех восстанию, разрушит старые институты и организует защиту территории. Всем, кто не захочет признать её власти, — гильотина; всем, будь они из народа или буржуазии, которые откажутся подчиняться её приказам, изданным с целью регулировать ход революции, — тоже гильотина!” Вот как

рассуждают будущие Робеспьеры, которые из великой эпопеи прошлого века запомнили лишь период упадка и речи прокуроров республики.

Мы, анархисты, произнесли окончательный приговор над диктатурой, как одного лица, так и одной какой-нибудь партии, — в сущности говоря, это одно и то же. Мы знаем, что одно лицо или одна группа не могут дать должного направления социальной революции. Мы знаем, что революция и правительство несовместимы; что одно должно убить другое, какова бы ни была форма правления: диктатура, королевство или парламент. Мы знаем, что сила нашей партии заключается в следующей основной формуле: — „Только свободная инициатива народа может создать что либо ценное и прочное, а всякая власть стремится убить эту инициативу”. Вот почему, если бы наши идеи не должны были пройти через горнило народа, чтоб быть осуществленными, если бы мы стали хозяевами того замысловатого хитро-сплетения, — правительства, — которое позволяет каждому действовать сообразно своей фантазии, то лучшие из нас через неделю стали бы достойны смертной казни. Мы знаем, что всякая диктатура, как бы честны ни были её намерения, ведет к смерти революции. Мы знаем, наконец, что идея диктатуры есть не что иное, как зловерный продукт правительственного фетишизма, который вместе с религиозным фетишизмом всегда стремился увековечить рабство.

Но теперь мы обращаемся не к анархистам. Мы хотим поговорить с теми революционерами, приверженцами правительства, которые заражены предрассудками, внушенными им воспитанием, которые искренно заблуждаются и охотно выслушают наши доводы. Мы станем на их точку зрения, и так будем говорить с ними.

Защитники диктатуры не замечают сами, что, поддерживая этот предрассудок, они готовят почву для торжества своих противников. Я бы посоветовал поклонникам Робеспьера твердо помнить следующие его слова. Он в принципе признавал диктатуру. Но... — „Остерегайся больше всего диктатуры” — резко оборвал он Мандара, когда этот попробовал заговорить о ней. „Диктатором был бы Бриссо!” Да, Бриссо, этот хитрый жирондист, ожесточенный противник стремлений народа к равенству, ярый защитник собственности (которую он сам когда-то называл воровством), Бриссо, который преспокойно заключил бы в тюрьму Марата и всех умеренных якобинцев!

Но эти слова относятся к 1792 году! В эту эпоху Франция уже три года была объята революцией! Фактически королевской власти уже не существовало: оставалось только нанести ей последний удар; феодальный режим был уже уничтожен. И не смотря на это, даже в ту эпоху, когда революция свободно и смело несла свои волны, все же контр-революционер Бриссо имел все шансы быть провозглашенным диктатором! А что было бы раньше, в 1789 году? Мирабо был бы призван стать во главе правительства! Мирабо, этот человек, который торговал своим красноречием, продавал его королю, — вот в чьи руки в ту эпоху перешла бы власть, если бы восставший народ, опираясь на штыки, не провозгласил своего могущества и не воспользовался победами Жакерии, чтоб сделать призрачной всякую власть, утвержденную в Париже или в департаментах.

Но, правительственный предрассудок так ослепляет тех, которые думают о диктатуре, что они предпочитают подготовить диктатуру какого-нибудь нового Бриссо или Наполеона, чем

отказаться от мысли навязать нового повелителя человечеству, разрывающему свои цепи.

Тайные общества времен реставрации и Людовика-Филиппа в значительной степени способствовали развитию принципа диктатуры и поддерживали этот предрассудок. Буржуа республиканцы той эпохи, опираясь на трудящиеся массы, составили целый ряд заговоров, чтоб свергнуть королевскую власть и провозгласить республику. Не отдавая себе отчета в том, какое глубокое перерождение должно произойти во Франции, даже для того, чтоб установился буржуазный республиканский режим, они воображали, что путем одной только конспирации они сумеют свергнуть короля, захватить власть и провозгласить республику. В течение тридцати лет, эти тайные общества работали с безграничным самоотвержением, поразительной настойчивостью и героизмом. Если республика была естественным следствием восстания февраля 1848 года, то этим она обязана тайным обществам и их усердной пропаганде действием в течение тридцати лет. Не будь их самоотверженной работы, республика была бы не мыслима и до сих пор.

Они думали захватить власть и утвердиться, как республиканская диктатура. Но, как и следовало ожидать, это им не удалось. Как всегда, в силу самой необходимости вещей, королевская власть была свергнута не путем заговоров. Конспираторы только подготовили её падение. Они широко распространили в массах идею республики, и, благодаря их героям и мученикам, она стала идеалом народа. Но последний натиск, решительный удар, который положил конец власти короля буржуазии, был слишком силен, чтоб быть делом тайных обществ: это был натиск всего народа.

Мы знаем, каковы были результаты. Партия, которая подготовила падение королевской власти — она не была допущена даже на порог Городской Думы. Люди, слишком осторожные, чтоб подвергаться опасностям конспирации, но более известные, более умеренные, выжидающие удобного момента для захвата власти, заняли те места, которые конспираторы завоевали под гром пушек. Публицисты, адвокаты, краснобаи, которые работали над созданием себе имени, в то время, как настоящие республиканцы ковали оружие или томились в каторге, захватили власть. Одни из них, самые известные, были призваны к власти разными бездельниками; другие навязывались сами, и были приняты только потому, что их имя ничего не говорило толпе, или, вернее, давало программу, приспособленную во всем вкусам.

Пусть не говорят нам, что это были промахи, недостаток практического ума со стороны действующей партии; что другая сделают лучше... Нет, тысячу раз нет! Действующая партия остается за бортом, а интриганы и краснобаи захватывают в свои руки власть — это такой же непреложный закон, как законы движения светил. Эти говоруны более популярны в той массе, которая произвела последний натиск. Они получают наибольшее число голосов; их будут приветствовать все, а главным образом, враги революции, которым выгодно выдвинуть ничтожностей; в правители попадут противники движения или же люди вполне безразличные.

Человек, который был самым воплощением конспиративной системы, человек, который всю жизнь провел в тюрьме из за преданности этой системе, накануне смерти бросил миру следующие слова, представляющие собой целую программу: ни Бога, ни Учителя!

Главная ошибка всех революционных организаций, народившихся в недрах республиканской буржуазии с 1820 года, состоит в следующем: они думают что правительство может быть низвергнуто тайными обществами и что эти общества могут занять его место. Все последующие факты способствовали выяснению этой ошибки. Какое самоотвержение, сколько настойчивости, сколько самоотречения проявляли тайные республиканские общества молодой Италии, какая гигантская работа, сколько жертв, жертв перед которыми бледнеют подвиги русской революционной молодежи, сколько борцов похороненных в казематах австрийских крепостей, погибших от ножа и пуль палачей! — И все это досталось в наследие разным пролазам из буржуазии и приближенным короля.

То же самое в России. Вряд ли найдется в истории тайная организация, которая, располагая столь незначительными средствами, достигла бы таких громадных результатов, как Исполнительный Комитет, проявивший столько энергии и силы. И все же, было бы наивно думать, что Исполнительный Комитет станет когда-нибудь во главе правления.

Люди осторожные, создававшие себе имя в то время, как революционеры изнемогали в рудниках и погибали в Сибири, — интриганы, краснобаи, адвокаты и литераторы, которые проливали слезы над свежей могилой героев и объявляли себя друзьями народа, — вот кто займет вакантное место правительства и грубо крикнет: Назад! тем „незнакомцам“, которые подготовили революцию.

Это неизбежно, это не может быть иначе. Не тайные общества и даже не революционные организации наносят правительствам решительный удар. Их функция, их историческая миссия состоят в том, чтоб подготовить умы к революции. Когда же их идеи достаточно распространены, — внешние обстоятельства помогают, — последний натиск производится не группой инициаторов, а массами, находящимися вне всякой организации. 31 августа Париж был глух ко всем призывам Бланки. Четыре дня спустя, он провозгласил падение правительства; но уже не Бланкисты были инициаторами этого движения, а сам народ. Правительство пало, и толпа приветствовала крикунов, имена которых непрерывно жужжали в её ушах в течение двух последних лет. Когда революция готова разразиться и в воздухе чувствуется напряжение, когда успех почти обеспечен, тысячи новых людей, на которых тайные организации не имели непосредственного влияния, присоединяются к движению, присасываются к нему подобно воронам, слетевшимся на поле брани делить добычу. Они наносят последний удар и сейчас же начинают искать себе новых правителей не среди конспираторов, честных и непримиримых, а среди людей без убеждений, среди флюгеров. О том, что можно обойтись без правителей, они и не думают.

Конспираторы, поддерживая предрассудки о диктатуре, бессознательно работают над тем, чтоб власть перешла в руки их противников.

Но, если все что мы говорили, справедливо по отношению к революциям, или вернее восстаниям политическим, — то это тем более справедливо для революции, о которой мы мечтаем, — Революции Социальной. Позволить утвердиться какому бы то ни было

правительству, власти сильной и способной заставить подчиняться себе, — это преградить путь революции с самых её первых шагов. Польза, приносимая этим правительством, сводится к нулю, вред же его — неизмерим.

В самом деле, что понимаем мы под этой Революцией? Это уже не перемена правителей. Это захват народом всех общественных богатств. Это уничтожение всякой власти, — власти, которая непрерывно препятствовала развитию человечества. Но может ли эта грандиозная экономическая революция быть совершена декретами, исходящими от правительства? Мы знаем, что польский революционный диктатор, Костюшко, еще в прошлом веке декретировал уничтожение личного рабства, — рабство существовало после того еще восемьдесят лет. Мы знаем, что Конвент, всемогущий Конвент, грозный Конвент, как говорили его поклонники, — декретировал поголовный раздел всех общественных земель, отобранных у сеньоров. Этот декрет, подобно многим другим, остался мертвой буквой, так как для приведения его в исполнение деревенский пролетариат должен был бы произвести новую революцию, а революции не производятся декретами. Чтоб народ завладел всеми общественными богатствами, он должен себя чувствовать вполне свободным, должен свергнуть рабство, к которому он уж слишком привык, должен действовать по своей собственной инициативе и смело идти вперед, не дожидаясь никаких приказаний. Всему этому будет препятствовать диктатура, как бы честны ни были её намерения; сама же она не способна двинуть ни на шаг дело революции.

Но если правительство, — будь оно даже идеалом революционного правительства, — не способно создать новой силы, не способно содействовать работе разрушения, то тем более мы не должны рассчитывать на него при работе созидания. Экономический переворот — этот результат Социальной Революции будет так велик и глубок, и так изменит все взаимоотношения, основанные теперь на собственности и обмене, — что одному или нескольким индивидуумам будет невозможно выработать те социальные формы, которые должны народиться в обществе будущего. Только коллективный труд всего народа может выработать эти новые социальные формы, только гибкость коллективной мысли целой страны может удовлетворить бесконечному разнообразию условий и потребностей, которые народятся в день падения частной собственности. Всякая внешняя власть будет лишь препятствием, помехой органической работе; она явится источником вражды и раздора.

Но давно пора распрощаться с мыслью о революционном правительстве, пора покинуть эту мечту, неоднократно обманувшую нас. Пора понять политическую аксиому, что правительство не может быть революционным. Нам говорят о Консепте; но не надо забывать, что те меры, принятые Конвентом, которые носили хоть сколько-нибудь революционный характер, были только санкцией фактов, уже совершенных народом, но считавшимся в то время ни с каким правительством. Конвент, подобно всем предшествующим и последующим правительствам, был исключительно препятствием для созидательной работы народа.

Факты, которые дает нам история, так убедительны; безмысленность революционного правительства, бесполезность всего того, что называют этим именем, так очевидны, что, казалось бы, невозможно объяснить, почему известная школа, именующая себя социалистической, с такой яростью защищает идею революционного правительства. Но, в

сущности говоря, это вполне понятно. Дело в том, что последователи этой школы, сколько бы они ни называли себя социалистами, совершенно иначе смотрят на будущую революцию. Для них, — как для всех радикалов буржуа, — Социальная Революция дело далекого будущего, и об её осуществлении сейчас не может быть и речи. Они мечтают, не смея впрочем признаться в этом, об установлении правительства, подобного правительствам Швейцарии или Соединенных Штатов, которые стремятся присвоить Государству все то, что они называют „services publics”. Это нечто среднее между идеалом Бисмарка и идеалом портного, который мечтает получить место президента в Соединенных Штатах. Это компромисс между социалистическими стремлениями масс и аппетитами буржуазии. Эти „социалисты”, хотели бы, конечно, полной экспроприации, но они не смеют приступить к ней, откладывают ее на будущий век и задолго до начала битвы вступают в переговоры с врагами.

Для нас же ясно, что момент нанести смертельный удар буржуазии настал, что недалеко то время, когда народ завладеет всеми общественными богатствами и доведет до полного бессилия класс эксплуататоров. И потому, мы без всяких колебаний ринемся в Социальную Революцию и, так как всякое правительство, каким бы именем оно себя ни называло, будет служить нам помехой, мы сметем с нашего пути всех честолобцев, которые вздумают распоряжаться судьбой народа.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 23 апреля 2025 23:30:09

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 23 апреля 2025 23:30:59